

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Казанцева О. А.* Сандиякское городище — памятник раннего Средневековья бассейна Камы7
- Захаров С. В.* Каменный жезл с человеческой личиной из погребения в курганный группе Майское V27
- Серегин Н. Н., Матренин С. С.* Социальная планиграфия некрополя предтюркского времени Чобурак-I (Северный Алтай).....44

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Бичеев Б. А., Тюмидова М. Е.* Ойратский текст «Руководство к практике Прибежища» (психотехника визуализации объектов поклонения)59
- Кубаев С. Ш.* Появление и развитие отопительных систем на территории Узбекистана73
- Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.* «Держатель силы». Мухомор в чукотской культуре84
- Аюпов Т. М.* Генеалогические предания — ценный источник изучения кыргызско-башкирских историко-культурных связей 110

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Головнев Г. А.* Амбивалентное отношение к «внешнему» миру нового религиозного движения «Свидетели Иеговы»122
- Набиев Р. А., Ибрагимов М. И.* Понятие блага в авраамических религиях в контексте социального служения134
- Слезин А. А.* Внедрение новых обрядов в русской деревне 1920-х гг. как фактор эволюции взаимоотношений крестьянских поколений147

ДЛЯ АВТОРОВ163

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

Kazantseva O. A. Sandiyak hillfort is a monument of the early middle ages of the Kama basin.....	7
Zakharov S. V. Stone rod with a human mask from a burial in the Mayskoye V burial mound group	27
Seregin N. N., Matrenin S. S. Social planigraphy of the preturkic period necropolis of Choburak-I (Northern Altai).....	44

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Bicheev B. A., Tyumidova M. E.</i> The oirat text, “A guide to refuge practice” (psychotechnic technique of visualization of objects of worship)	59
<i>Kubaev S. Sh.</i> Emergence and development of heating systems on the territory of Uzbekistan	73
<i>Ozheredov Y. I., Yarzutkina A. A.</i> ‘Holder of strength’. Muskrat in Chukotka culture.....	84
<i>Ayupov T. M.</i> Genealogical legends are a valuable source for studying the historical and cultural ties of Kyrgyz-Bashkir	110

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Golovnev G. A.</i> Ambivalent attitude to ‘the world’ in the organization Jehovah’s Witnesses	122
<i>Nabiev R. A., Ibragimov M. I.</i> The concept of good in abrahamic religions in the context of social service.....	134
<i>Slezin A. A.</i> Introducing new rituals in the Russian village of the 1920s as a factor in the evolution of the relationship between peasant generations.....	147
FOR AUTHORS	163

УДК 902.01/903.26

DOI 10.14258/nreur(2023)4–02

С. В. Захаров*Научно-исследовательская организация «Археологическая экспертиза», Алматы (Казахстан)*

КАМЕННЫЙ ЖЕЗЛ С ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧИНОЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАННОЙ ГРУППЕ МАЙСКОЕ V

Публикуется новая находка человеческого изображения на каменном стержне, происходящая из грунтового погребения (могила № 3) близ села Майское (Восточный Казахстан), перекрытого позже курганной насыпью сакского могильника Майское V. Приводится подробное описание самого изделия и антропоморфной личины на нем. В совокупности с материалами соседней грунтовой могилы № 2 изделие датируется поздним неолитом, хронологическим горизонтом бытования комплексов исаковской и серовской традиций погребений Прибайкалья. В качестве ближайших аналогий рассматриваются скульптурное изображение на костяном стержне из поселения Танай 4а и каменные скульптуры с поселения Самусь IV. Прослежены общие черты в форме заготовок, определяющих архитектуру образов, в трактовке и приемах изображения отдельных элементов человеческих изображений. Все рассмотренные аналогии происходят с территории Обь-Иртышского бассейна и связаны с местными культурами финала каменного века, либо, как самусьская культура, уходящими своими корнями в местную неолитическую среду. Несмотря на уникальность образов, они имеют ряд общих черт и признаков, которые позволяют считать эти антропоморфные изображения принципиально схожими и созданными в рамках некоей общей культурно-художественной традиции в разных вариантах и на разных этапах ее воплощения.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, Обь-Иртышский бассейн, самусьская культура, большемысская культура, исаковская и серовская традиции погребений, поздний неолит, погребение, антропоморфная скульптура, жезл.

Цитирование статьи:

Захаров С. В. Каменный жезл с человеческой личиной из погребения в курганной группе Майское V // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 4. С. 27–43.

DOI 10.14258/nreur(2023)4–02.

S. V. Zakharov

Scientific research organization "Archaeological Expertise", Almaty, (Kazakhstan)

STONE ROD WITH A HUMAN MASK FROM A BURIAL IN THE MAYSKOYE V BURIAL MOUND GROUP

A new finding of a human image on the stone rod is published that originated from the subsoil burial (grave No. 3) near Mayskoe village, Eastern Kazakhstan, later covered by the barrow hill of Mayskoe V Saka burial ground. There is a detailed description of the product itself and the anthropomorphic mask on it. In combination with the materials from the neighboring subsoil grave No. 2, the item is dated to the Late Neolithic, the chronological existence horizon of Isakovo and Serovo complexes burial traditions of the Baikal region. As the closest comparison thereof, one can consider the sculptural image on the stone rod from the Tanai 4a settlement and stone sculptures from the Samus IV settlement. Common features are identified in the form of blanks determining the architectonics of images, in the interpretation and techniques of depicting specific elements of human images. All the examined analogies come from the territory of the Ob-Irtysh basin and are associated with local cultures of the late Stone Age or, like the Samus culture, going back to the local Neolithic environment. Despite the uniqueness of the images, they have a number of common features and signs that allow us to consider these anthropomorphic images as essentially similar and created within the framework of common cultural and artistic tradition in different versions and at different stages of their implementation.

Keywords: Eastern Kazakhstan, Ob-Irtysh basin, Samus culture, Bolshemys culture, Isakovo and Serovo burial traditions, Late Neolithic, burial ground, anthropomorphic sculpture, rod.

For citation:

Zakharov S. V. Stone rod with a human mask from a burial in the Mayskoye V burial mound group. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. Vol. 28, No 4. P. 27–43. DOI 10.14258/nreur(2023)4–02.

Захаров Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, исполнительный директор научно-исследовательской организации ТОО «Археологическая экспертиза», Алматы (Казахстан). **Адрес для контактов:** zaharov_sv_69@mail.ru; ORCID: 0009–0009–4848–1118.

Zakharov Sergey Vladimirovich, candidate of historical Sciences, executive director, Scientific research organization "Archaeological Expertise" LLP, Almaty (Kazakhstan).

Contact address: zaharov_sv_69@mail.ru; ORCID: 0009–0009–4848–1118.

Введение

В 2019 г. близ села Майское Майского района Павлодарской области в ходе археологических раскопок курганной группы раннего железного века Майское V под насыпью кургана № 3, помимо полностью разграбленного центрального погребения (могила № 1), с большой долей вероятности одновременного курганному могильнику в целом, были выявлены две могильные ямы (могилы № 2 и № 3) с погребениями явно более раннего времени. В могиле № 3 было обнаружено уникальное во многих отношениях каменное изделие — длинный и узкий каменный стержень с личиной человека. Материалы памятника получили свою предварительную публикацию [Захаров, Мерц, Бычков, 2020]. Редкость находки каменного стержня с явными антропоморфными чертами заслуживает отдельной, более подробной публикации и анализа артефакта.

Курганная группа Майское V располагалась на второй надпойменной террасе левого берега реки Иртыш, в 4 км к юго-востоку от села Майское. Памятник состоял из двух коротких цепочек курганов и насчитывал шесть конструкций. Курган № 3 входил в северо-западную цепочку из четырех курганов, вытянутую с севера на юг, являясь в ней вторым по счету, если считать с северного ее конца, располагаясь между курганами № 4 и № 2.

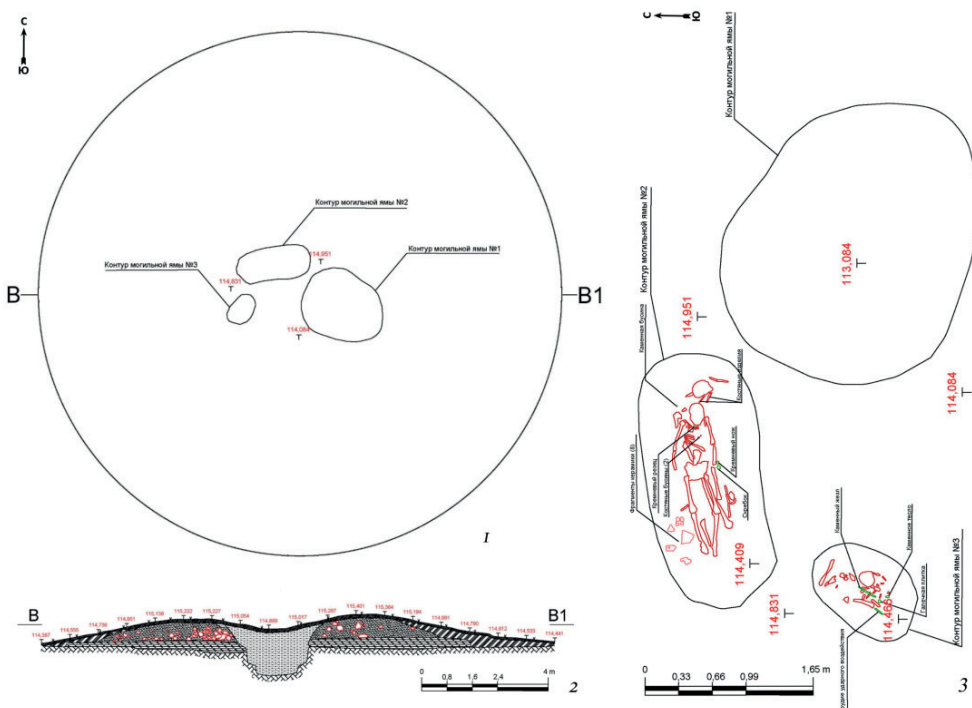

Рис. 1. Курган № 3: 1 — план кургана и подкурганной площадки; 2 — профиль кургана по линии В — В1; 3 — план могильных ям № 1, 2, 3

Fig. 1. Mound No. 3: 1 — plan of the mound and the burial site; 2 — profile of the mound along the line B — B1; 3 — plan of grave pits No. 1, 2, 3

Курган № 3 имел грунтовую насыпь усечено-полусферической формы высотой 0,7 м и диаметром 18 м, с ровными пологими краями и овальной в плане подошвой. Под насыпью выявлены три могильные ямы (рис. 1.-1). Располагавшаяся в центре подкурганной площадки могильная яма овальной в плане формы размером 2,40×1,60 м и глубиной 1,48 м, ориентированная длинной осью по линии восток — запад, оказалось пустой. В западной и северо-западной частях подкурганной площадки находились остатки еще двух погребений — могилы № 2 и № 3. Каменный стержень происходил из могилы № 3, расположенной западнее могилы № 1 и южнее могилы № 2. На поверхности подкурганной площадки могила № 3 представляла собой зольник в виде черного овального пятна размером 98×89 см, ориентированный длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. Заполнение могилы — зола с включениями прокаленного и покрытого сажей гравия.

В заполнении ямы, начиная с глубины 0,27 м от поверхности подкурганной площадки, компактно залежали в неанатомическом порядке кости нескольких индивидов, подвергшиеся термическому воздействию (рис. 1.-3). Берцовые и тазобедренные кости лежали внизу по центру и в северной части ямы, мелкие реберные и трубчатые кости находились поверх крупных костей. Черепа залежали на самом верху и оказались сильно разрушены давлением грунта. Среди костей в южной части ямы, в охристо-пепельном слое, на глубине 50 см обнаружены каменное тесло из гальки черного алевролита, орнаментир из тонкой сланцевой плитки с мелкими зубцами по краю. Под костями, в охристо-пепельном же слое, но уже под костями и в центре ямы, на глубине 75 см от поверхности и по направлению вдоль оси ямы располагался узкий и длинный каменный стержень с заостренными концами, с антропоморфным изображением на одном из них. Левее каменного стержня лежал брусковидный камень-окатыш четырехгранной формы со следами заглаживания. Дно могилы № 3 было покрыто охристой подсыпкой красного цвета.

Материалы и методы

Публикуемый артефакт выполнен из длинного и узкого сланцевого скола, которому приемами вторичной обработки придана форма стержня с разной формы заострениями верхнего и нижнего концов. Сверлениями, протачиванием и резными линиями в верхней части стержня была изображена человеческая личина. В средней части камня нанесены резные горизонтальные линии не вполне ясного назначения (рис. 2; 3).

Стержень тонкий и длинный, размером 34 см в длину. Это относительно ровное изделие с небольшим дугообразным изгибом как во фронтальной проекции, так и в профиль, с сужающимися нижним и верхним концами. Сечение основного «тела» изделия в средней части подтреугольное, с сильно заovalенными гранями. Причем две грани — передние боковые, третья грань — тыльная. Передняя часть камня уплощенная, с максимальной шириной до 2,0 см. Ширина в боковой проекции — от 2,3 до 2,6 см. В нижней четверти изделия его сечение приобретает округлую, слегка приплюснутую с правой стороны форму диаметром 2,2 см. Далее стержень пологим длинным конусом сужается к нижнему закругленному концу до диаметра в 0,7 см.

Верхняя часть стержня (высотой 5,5 см) в передней проекции имеет форму уплощенного клина за счет слияния передних двух граней в одну и сужения фронтальной

части изделия. В этом месте изделие в сечении приобретает форму уплощенного овала. Тыльная грань в верхней части имеет 5,5-сантиметровый дугообразный плавный скос в направлении макушки и передней стороны изделия соответственно. В сочетании с коротким и небольшим скосом к макушке передней грани это придает верху изделия в боковой проекции ножевидную форму.

На правой боковой поверхности имеется неглубокая вертикальная ложбинка размером 0,8×3,0 см, вероятно, природного происхождения.

Левая боковая поверхность (на которой изделие лежало в могильной яме) в большей своей части покрыта коричневого цвета коркой из неорганических солей.

Цвет стержня зеленовато-серый с переходом в темно-серый в местах с изъеденной поверхностью (боковые поверхности верхней части и передние боковые грани на верхней половине изделия). Фронтальная поверхность имеет светлорыжий оттенок. Поверхность стержня в целом гладкая и ровная, но не шлифованная. Задняя грань изделия и боковые поверхности его верхней части шероховатые, слегка эродированные. У самого верха, над левым глазом личины, разрушение более сильное, приведшее к частичной утрате очертаний этого глаза.

Преднамеренно нанесенные на камень пропилы и борозды, придающие изделию антропоморфное содержание и определяющие его разделение на верх и низ, расположены в средней и верхней частях стержня (рис. 2; 3.-1).

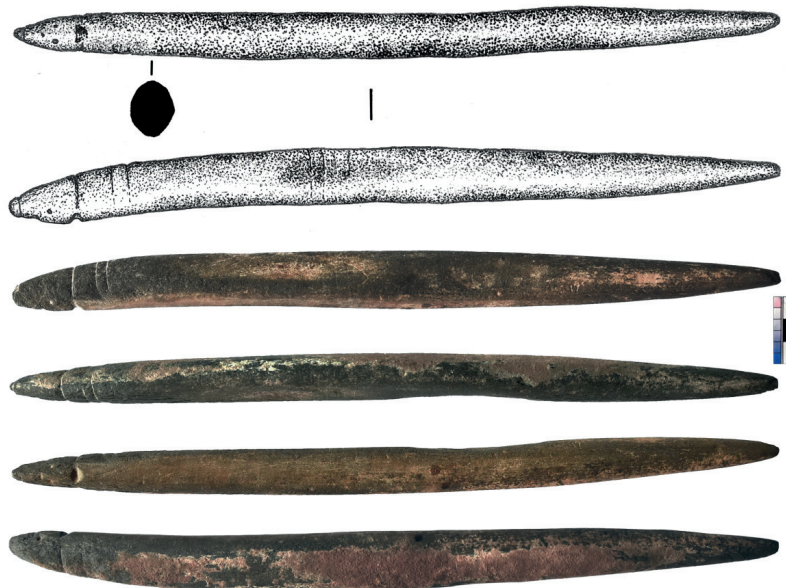

Рис. 2. Каменный жезл из могилы № 3 кургана № 3 курганного могильника Майское V.
Фото и графическое изображение

Fig. 2. Stone rod from grave No. 3 of mound No. 3 of the burial mound Mayskoye V.
Photo and graphic image

Рис. 3. Каменный жезл из могилы № 3 кургана № 3 курганного могильника Майское V.
 Фото фрагментов (увеличенное): 1 – верхняя часть жезла; 2 – средняя часть жезла
 Fig. 3. Stone rod from grave No. 3 of mound No. 3 of the burial mound Mayskoye V.
 Photo of fragments (enlarged): 1 – the upper part of the rod; 2 – the middle part of the rod

Ключевые элементы, формирующие облик человеческой личины, расположены на самом верху стержня. На передней грани один над другим расположены два поперечных пропила: нижний широкий (6 мм), высокий (4,5 мм) и глубокий (1,5 мм), хорошо зашлифованный (но все же с хорошо различимыми параллельными бороздками по дну канала вдоль его оси), формирующий рот личины, и верхний неглубокий (доли миллиметра), узкий (1 мм) и короткий (2 мм). Чуть ниже верхнего поперечного пропила на обоих боковых сторонах, в 3 мм от передней грани, расположены две круглых лунки с конически сходящимися к центру стенками, маркирующие глаза личины. Правая лунка сохранилась полностью. Ее диаметр 1,5 мм, глубина — 1 мм. Левая лунка сильно разрушена, сохранилась только придонная часть в виде точковидного углубления, визуально определяемого благодаря ее заполировке от рабочего инструмента и грунтовой пропитке. Взаиморасположение рта, глаз личины и верхнего параллельного пропила позволяет нам считать последний сочетающим в себе одновременно образы переносицы и бровей изображенного лица.

В 7,5 мм выше переносицы и в 4,5 мм ниже верхнего закругления стержня его опоясывает тонкая и неглубокая резная линия. Более заметная поперечная резная линия опоясывает боковые поверхности и заднюю грань на уровне средней линии ложбины рта, не доходя на 3,5–4 мм до границ рта с его обеих сторон. В 9–11 мм ниже нанесены две точно такие же по длине, но чуть менее глубокие и менее выраженные поперечные резные линии, нижняя располагалась на расстоянии 4 мм от верхней. Эти борозды, так же, как и резная линия на уровне рта, не пересекают переднюю грань изделия и не формируют замкнутую окружность, начиная и заканчиваясь на той воображае-

мой вертикальной линии с каждой из боковых сторон, на которой обрывается резная линия на уровне рта.

Все четыре поперечные резные линии верхней части стержня расположены строго перпендикулярно продольной оси жезла, на разном расстоянии, но практически параллельно между собой.

В средней части стержня, в полосе общей высотой 20 мм, расположены четыре поперечные слабо заметные линии, явно не пропиленные, а прочерченные твердым инструментом (рис. 2; 3.-2). Расстояния между ними от 4 до 7 мм. Линии прямолинейные, но не сплошные и параллельны между собой относительно. Наиболее отчетливо они видны на левой плоскости изделия. Три верхних линии заходят на переднюю левую грань. Нижняя линия примерно на 10 мм не доходит до этой грани. Интересно, что все четыре линии не доходят до задней грани на разном расстоянии от нее, но на 1–1,5 мм ниже конца каждой из них начинаются дополнительные линии, заходящие на заднюю грань (правда, местами затертые). Создается впечатление, что эти линии были прочерчены не мастером, изготовившим артефакт, а позже, чьей-то не уверенной рукой, прерывающей операцию по прочерчиванию в связи с прокручиванием стержня вокруг оси в процессе нанесения этих линий.

На фронтальной поверхности и на правой плоскости стержня продолжения этих линий не просматриваются.

Иконография изображения в верхней части в своей основе прослеживается довольно уверенно. Надсверленные лунки глаз, широкая ложбинка рта и узкая — переносицы, формируют человеческий лик с открытым ртом. Более широкую интерпретацию имеют поперечные резные линии выше и ниже личины. Резная линия на уровне средней горизонтальной оси рта, не доходящая до его уголков, может рассматриваться в качестве штриха или приема, схематично оформившего голову личины и верхнюю часть тела, в то же время разграничивая их. Такой прием характерен для каменной скульптуры скифо-сакской и древнетюркской эпох, передающих не портретное сходство, а обобщенный человеческий образ.

Самая верхняя резная линия может быть принята за элемент, очерчивающий сверху высокий лоб, одновременно отграничивающий верхнюю часть скульптуры, которую можно условно обозначить в качестве высокой макушки, но потенциально интерпретируемую довольно широко: головной убор, волосы (прическа), налобная повязка или иной головной убор без верха (венки, венец, диадема, типа индейского роу-ча и т. п.). Но любой из вариантов интерпретации, в итоге, будет связан с макушечной частью головы.

Таким образом, в верхней части стержня древним мастером выполнено схематичное и стилизованное изображение человеческого лика.

Исходя из посыла об антропоморфности всех элементов на верхней части стержня, две параллельные борозды на обеих боковых сторонах изделия ниже ложбины рта можно рассматривать в качестве схематичного контура верхних конечностей. В ином случае трактовка может иметь атрибутивный характер — элемент верхней одежды, облачения, экипировки, другой какой-либо важный для изображенного образа внешний атрибут (оплечье, пояс, шаманские атрибуты и т. п.).

Затруднительно высказать какие-либо более или менее обоснованные предположения относительно небрежно и слабо прочерченных четырех поперечных линий в средней части стержня. Возможно, что они не имеют прямого отношения к основному образу и идее артефакта.

Обсуждение

Для обозначения подобных предметов используются обычно два основных термина — «жезл» и «скипетр». В толковых словарях в определениях этих слов много общего. При этом чаще всего скипетр определяется как церемониальный жезл или посох [Большая российская энциклопедия, 201: 343], как украшенный жезл — эмблема власти [Ожегов, Шведова, 2006: 722], как жезл — один из атрибутов, регалий, почетных знаков государя, владетельного сана, верховной власти [Даль, 2006: 200]. Собственно жезл может быть: 1) символом власти или статуса в виде специально (часто богато) украшенных палки, короткого стержня, посоха, трости; 2) металлической палкой — элементом электрожезловой системы на железнодорожном транспорте [Большая советская энциклопедия, 1972: 130], а также короткой палкой, которой регулировщик движения дает указания транспорту и пешеходам [Ожегов, Шведова, 2006: 191].

Таким образом, скипетр определяется как разновидность жезла, как жезл с более узким, символическим значением, в то время как под жезлом вообще понимается более широкий спектр предметов разных сфер применения, но, очевидно, обладающих рядом общих признаков: специально изготовленная короткая и тонкая палка-стержень, вертикальность пропорций, предназначенность для размещения в руке человека и для манипулирования рукой человека, нанесенные на нее украшения, знаки, символы, разметка.

В археологической литературе, как это верно заметила О. П. Ченченкова для публикаций, например, по энеолиту Восточной Европы, термин скипетр используется для обозначения наверший в виде стилизованных лошадиных голов, которые насаживались на рукояти [Ченченкова, 2004: 10], и не совсем соответствует словарному определению. Такие «скипетры», как и археологические булавы, сложно представить самостоятельной статусно-ритуальной разновидностью жезлов, скорее всего — как часть, как навершие составного скипетра-жезла.

Публикуемый нами каменный стержень является цельным предметом и имеет все необходимые признаки жезла. Его функциональное назначение сложно определимо и может быть, в итоге, самым разным. Поэтому правильнее будет и с точки зрения сложившейся в археологической литературе традиции подразделения подобных артефактов на скипетры и жезлы, если исходить из словарных определений терминов «скипетр» и «жезл», отнести каменный стержень из погребения в могильнике Майское V к категории жезлов.

О. П. Ченченкова по различиям в форме оформления и использованию нижней части/поверхности предложила два термина-обозначения для разновидностей жезлов: жезл-пест и жезл-топор [Ченченкова, 2004: 10], которые можно рассматривать и как определенные типы с точки зрения такого критерия. Жезл из погребения в могильнике Майское V в таком случае может быть определен как жезл-вток, нижняя часть которого оформлена в виде узкого и продолговатого конического завершения предмета, не обязательно (но не исключено) функционального назначения.

Для степной, лесостепной, предгорной зон азиатского степного пояса известна довольно представительная серия случайных и в закрытых комплексах находок каменной скульптуры. Основная их масса сведена и классифицирована О. П. Ченченковой в информативном каталоге [Ченченкова, 2004]. Среди них трудно подобрать аналогии изображению человеческой личины на жезле из погребения в могильнике Майское V, так как для основной массы подобных предметов характерна скульптурность в оформлении антропоморфных и зооморфных образов, объемное моделирование образа в целом, отдельных черт или частей желобками, окружностями, канавками, выемками, валиками, выступами, выпуклостями различного рода и конфигураций, придающими изображаемому существам реалистичность и детализацию. Применение этих приемов позволяет выделить скульптурное изображение либо отдельные черты и части облика из общей массы и формы каменных изделий — жезла, песта, плитки и т. п.

Человеческая личина на жезле из погребения в могильнике Майское V на этом фоне выглядит примитивным и схематичным изображением, не модифицирует каменную основу, а смоделирована исходя из нее и стоит, таким образом, особняком. Образ сформирован скудными и простыми (в том числе в плане примененных физических усилий) элементами — прямыми и неглубокими резными линиями, мелкими сверлениями, желобком. Создается впечатление о переносе на камень технических приемов, свойственных работе по кости и дереву.

Это свидетельствует о принадлежности жезла из курганного могильника Майское V к иной изобразительной традиции. Возможно, и культурно другой, хронологически предшествующей культуре объемной каменной скульптуры, сложившейся в азиатских степях не ранее начала эпохи палеометалла. Подтверждением более раннего бытования являются материалы рядом расположенного погребения в могиле № 2, имеющие черты поздненеолитических комплексов исаковской и серовской традиций погребений Прибайкалья.

Однако в ряде изделий аналогии человеческой личине из Майского V, пусть и неполные, но прослеживаются. Причем аналогии эти, как представляется, принадлежат кругу лесной самусьской культуры.

С поселения Самусь IV, расположенного на северной окраине поселка Самусь Томского района Томской области, происходит несколько человеческих скульптур на плоских и удлиненных гальках [Матющенко, 1973: 8–9, 40–42; рис. 23.-1–4, 6; Матющенко, 1973а: рис. 9].

Благодаря каталогу О. П. Ченченковой [2004] мы имеем возможность работать с наиболее детальными и качественными из всех опубликованных фотографий и прорисовками этих артефактов (№ 70–74, 76 каталога).

Самусьские скульптуры созданы в технике круглой скульптуры, черты лица выполнены в объеме, четко обозначены в рельефе, детализированы. И на первый взгляд ничего общего не имеют с изображением на жезле из могильника Майское V. Но при внимательном рассмотрении все же выявляется несколько общих признаков. В частности, композиционное построение лика человека в верхней части вертикально вытянутого узкого камня/гальки с острой передней гранью и широкими боковыми поверхностями, что определяет специфику расположения (архитектонику образа) на материа-

ле деталей человеческого лица — рта, носа, переносицы, глаз [Матющенко, 1973: 23, 4; Матющенко, 1973а: рис. 5, 7, 8, 9; Студзицкая, 1987: рис. 2, 3; Ченченкова, 2004: №70–74, 76] (рис. 4.-3–8).

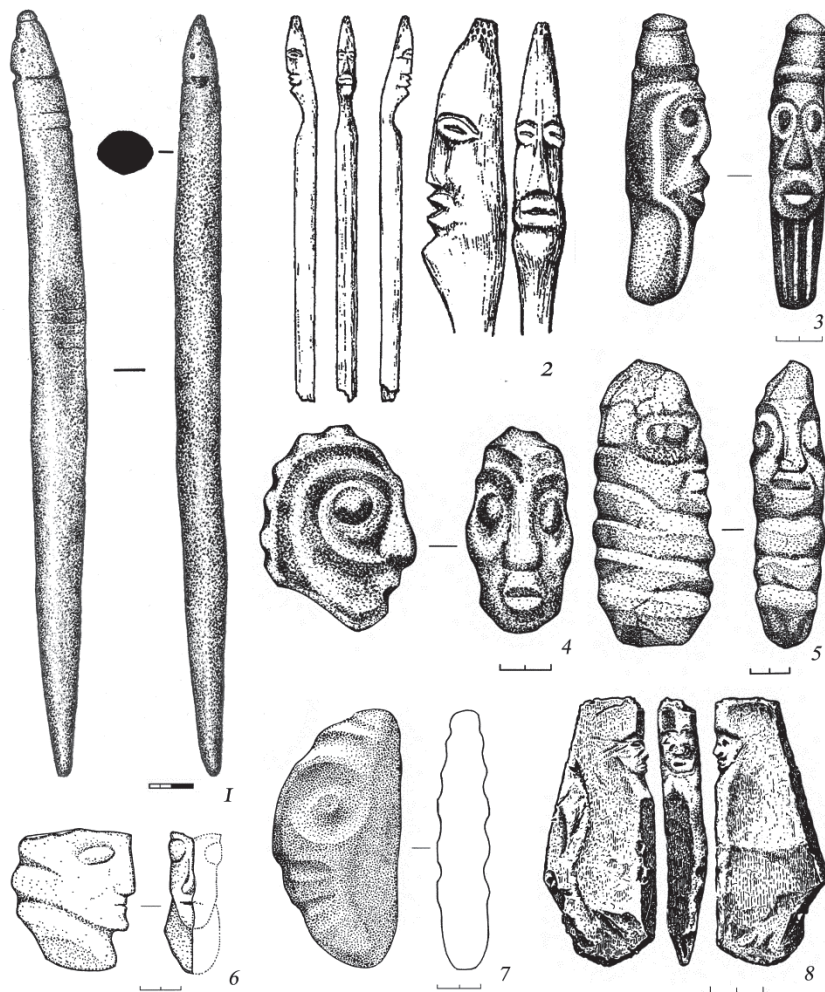

Рис. 4. Каменная и костяная скульптуры: 1 — каменный жезл из могилы №3 кургана №3 курганного могильника Майское V (рис. А. В. Кузьминовой); 2 — поселение Танай 4а (раскопки В. В. Боброва, рис. по: [Бобров, 1997; Ковтун, 2002]); 3–8 — поселение Самусь IV (раскопки В. И. Матющенко, рис. по: 3, 4, 5, 8 [Матющенко, 1973а]; 6 [Матющенко, 1973]; 7 [Студзицкая, 1987]).

Fig. 4. Stone and bone sculptures: 1 — stone rod from grave No. 3 of mound No. 3 of the burial mound Mayskoye V (fig. A. V. Kuzminova); 2 — settlement Tanai 4a (excavations of V. V. Bobrov, fig. by: [Bobrov, 1997; Kovtun, 2002]); 3–8 — settlement Samus IV (excavations of V. I. Matyushenko, fig. according to: 3, 4, 5, 8 [Matyushenko, 1973a]; 6 [Matyushenko, 1973]; 7 [Studzitskaya, 1987]).

У части фигур самый верх головы также венчается дополнительным вертикальным элементом — головным убором либо прической (?). Причем головной убор насажен на голову вертикально, сверху, а не сзади-сверху, с подчеркнутой горизонтальной границей по окружности головы [Матющенко, 1973а: рис. 5, 9; Студзицкая, 1987: рис. 2.-3; Ченченкова, 2004: № 70, 71, 76] (рис. 4.-3, 7, 8). Нос у всех фигур сформирован одинаково — на переднем остром ребре камня и выделен путем оформления на этом ребре рта и переносицы (исключая, конечно, его профилировку разными приемами камнеобработки). Глаза, соответственно, также подчиняясь форме предмета, выполнены на боковых широких поверхностях камня [Матющенко, 1973: 23.-4; Матющенко, 1973а: рис. 5, 7, 8, 9; Студзицкая, 1987: рис. 2.-3; Ченченкова, 2004: № 70–74, 76] (рис. 4.-3–8).

Очень характерным является внимание к оформлению рта. В двух случаях он выполнен, как и на майском жезле, поперечным широким желобком на передней острой грани, моделируя рот открытым (рис. 4.-3, 4), в двух других случаях — выполнен в форме полных, выдающихся наружу губ (рис. 4.-5, 7). В обоих случаях заметно явное акцентирование на рте (имеется в виду рот не только как полость, но и как очертание и разрез губ), который, возможно, мог восприниматься вззирающими на предмет самым важным, что-то вещающим элементом личины либо скульптуры.

У скульптуры с «бородой» линия шеи также намечена бороздой сзади и по боковым сторонам камня [Матющенко, 1973а: рис. 5; Ченченкова, 2004: № 71]. Определенные аналогии поперечным резным линиям на жезле можно проследить с поперечно-наклонными желобками по «телу» скульптуры с каталожным номером 72 (по О. П. Ченченковой) [Матющенко, 1973а: рис. 7; Ченченкова, 2004: № 72] (рис. 4.-5) и со складками на тыльной и боковых сторонах скульптуры под номером 74 (по О. П. Ченченковой) [Матющенко, 1973: рис. 23.-4; Ченченкова, 2004: № 74] (рис. 4.-6).

Прослеженные черты сходства довольно существенны, но как бы «камуфлируются» на самусьских изделиях иной, более сложной техникой изготовления в круглой скульптуре. Возможно, относятся к одной традиции изображения человека в камне, но на разных стадиях ее технологического воплощения.

В свою очередь, как заметил В. В. Бобров, «близко статуарной голове человека из поселения Самусь-4» [Бобров, 1997: с. 143] изображение на костяном жезле из слоя большемысской культуры одновременного поселения Танай 4а на западном берегу оз. Танай в Тогучинском районе Новосибирской области (раскопки Кузбасской лаборатории археологии и этнографии ИАиЭт СО РАН — КемГУ под руководством В. В. Боброва) [Бобров, 1997]. Такого же мнения придерживается И. В. Ковтун [Ковтун, 2002: 69].

И действительно, наиболее выраженные черты сходства как у самусьских скульптур, так и у майского жезла прослеживаются со скульптурой на костяном стержне из жилища 21 поселения Танай 4а [Бобров, 1997: 142, рис. 2], определяемом О. П. Ченченковой в качестве костяного жезла [Ченченкова, 2004: 316, табл. 2].

Разумеется, речь не о полном сходстве, которое сложно ожидать от изображений, выполненных в разном по податливости обработке материале (кость и камень). Речь идет о форме стержня и его навершия, архитектонике человеческого изображения, общей его форме и трактовке отдельных черт.

Нижняя часть костяного стержня утрачена, поэтому невозможно судить о ее форме. Верхняя же его часть так же, как и майского жезла, уплощена с боков, образуя клиновидную форму анфас, также имеет скосы к макушке по передней и (незначительно, в отличие от каменного изделия) задней граням, формирующие такой же высокий лоб на передней грани и длинную линию затылка — на задней. Человеческий лик также сформирован резными линиями. Вся композиция строится на сочетании черт лица, нанесенных на переднюю острую грань и на боковые намеренно уплощенные поверхности. У обоих ликов нос составляет единую прямую линию с линией лба и выделяется в самостоятельную часть лица больше при помощи формирования других частей — рта, губ, сходящихся в переносицу глаз, чем собственного объема рельефом.

Практически одинаково смоделирован широкой и глубокой поперечной ложбинкой приоткрытый рот. Схоже посажены глаза на боковых плоскостях, ближе к передней грани. О высоком лбе обоих ликов уже говорилось выше. На танайском костяном жезле так же, как и на майском каменном, самый верх головы скульптуры — высокая макушка — утрированно выделен в самостоятельный элемент. На каменном жезле высокая макушка отграничена от высокого лба по окружности головы горизонтальной резной линией. На костяном изделии переход лба и затылочной части головы в такую же высокую макушку обозначен довольно заметным ступенчатым сужением по передней и задней граням жезла, с дополнительным оформлением ее (макушки) частыми и мелкими углублениями, шлейфом слегка заходящими и на верхнюю часть затылка (вероятно, прической или головным убором с фактурной поверхностью).

На танайской скульптуре более объемно смоделированы глаза и рот. Глаза выделены надбровьями, ложбинка рта оконтурена довольно выраженными толстыми губами. Глаза выполнены сочетанием линзовидных слегка углубленных участков вместо глазниц и прорезных горизонтальных линий на месте зрачков — в отличие от сверленных глаз у майской личины. Костяная скульптура имеет большой и сильно выраженный подбородок и обозначенную выемкой в передней части жезла шею.

В то же время эта выемка служит дополнительным элементом, подчеркивающим (и формирующим) изображение головы и шеи как наклоненных вперед, что явно прослеживается и на каменном жезле из Майского V. Именно в верхней части, где изображена голова, жезл в профиле имеет дугообразный изгиб в переднюю сторону. И. В. Ковтун считает «наклон шеи «вперед-вниз» с прямым взглядом «исподлобья», свойственных скульптуре на танайском жезле, «связкой двух семантически значимых деталей», «оригинальным приемом», характерными и для статуарных памятников Среднего Енисея, предполагая «сходство персонажей и принципиальное единство «стиля эпохи», если не общность «иконографического почерка» двух синстадиальных культур» (большемысской и окуневской. — С. 3.) [Ковтун, 2002: 69].

Заключение

Все рассмотренные изделия — публикуемый каменный майский жезл и ранее известные танайский костяной жезл и каменная скульптура с поселения Самусь IV — своеобразны и уникальны. Тем не менее, на наш взгляд, они имеют ряд общих черт и признаков, которые позволяют считать эти антропоморфные изображения принци-

пиально схожими и созданными в рамках одной культурно-художественной традиции в разных вариантах и на разных этапах ее воплощения.

Все рассмотренные изображения выполнены на определенной формы заготовке — вертикальных пропорций, уплощенной с боковых сторон, с острыми передней и задней гранями, с клиновидно сходящимися кверху боковыми плоскостями, формирующими высокую, зауженную с боков клином кверху черепную коробку с высокими лбом и затылком. У скульптур с поселения Самусь IV это целиком все изделие, полностью подчиненное скульптуре, в случае с костяным и каменным жезлами — их верхние части, предназначенные для изображения личины.

Можно считать, что здесь проявлен некий канон в изготовлении формы-основы для нанесения человеческой личины, которая, в свою очередь, определяет и схожую архитектуру этих изображений. Изображения выполнены путем однообразного распределения их составных частей на острой передней грани и на намеренно уплощенных боковых поверхностях. Нос, рот, лоб и другие элементы центральной продольной оси личин выполнены на передней острой грани предмета, глаза и остальные элементы (возможно, у каждого изображения — свои) — на боковых поверхностях.

Во всех трех случаях принципиально одинаково трактованы лоб (высокий и слегка покатый), макушечная (верхняя) часть (высокая и специально выделенная из общего очертания черепной части головы), рот (приоткрытый).

Изображения объемные, но не рельефные, они не выходят за пределы собственно поверхности и абриса стержня, не формируют на нем выступающих за пределы фона объемных форм, наверхий, выступов, углов и т. п.

Эти общие черты выделяют рассматриваемые человеческие личины в особую группу скульптурных изображений на фоне широко известных каменных скульптур лесостепной Азии эпохи палеометалла [Ченченкова, 2004].

Самусьская культура развитой бронзы, к которой относится каменная скульптура с поселения Самусь IV, датирована В. И. Матющенко периодом с XVIII–XVII по XIII в. до н. э [Матющенко, 1973: 59], материалы самого поселения Самусь IV отнесены автором раскопок к хронологическому диапазону XVI–XIV–XIII вв. до н. э [Матющенко, 1973: 60]. В культурно-технологическом плане население самусьской культуры является продолжателями накольчато-отступающей традиции в орнаментации керамики эпохи неолита каменного века Западной Сибири и связывается генетически с верхнеобской неолитической культурой [Матюшин, 1973: 108–110], прослежены аналогии в художественном творчестве с прибайкальскими материалами [Матюшин, 1973: 115–117], что показывает глубокую связь самусьских материалов с миром древних насельников Западной и Южной Сибири.

Костяной жезл с поселения Танай 4а встречен среди материалов большемысской культуры эпохи энеолита Алтая и Южной Сибири в пределах Верхнего Приобья, Горного Алтая, верховьев р. Алей, Кулундинской степи, датируемой второй половиной IV–III тыс. до н. э [Кирюшин, 2002: 35].

Датировку каменного жезла из Майского V по материалам могилы № 3 определить сложно. Более выразительны в этом отношении материалы расположенной рядом могильной ямы № 2. В могиле № 2 размером 2,40 x 1,10 м находилось ярусное захороне-

ние двух индивидуумов в вытянутом положении головами на северо-восток, сопровождаемое обломками лепного керамического сосуда открытого типа со слабо профилированными стенками без орнамента, двумя костяными изделиями, каменными и костяными орудиями и бусами. Среди них — двусторонне-обработанный вкладыш трапециевидной формы прибайкальского типа, выполненный из серо-голубого кремня, дисковидное орудие на плоском отщепе с двусторонней обработкой из желтого кремня, нож-бифас овальной формы из кремня тёмно-коричневого оттенка, костяная основа (обойма) вкладышевого ножа с односторонним пазом и обломанным основанием, роговое (?) орудие плохой сохранности, напоминающее кочедык.

По облику погребального обряда и характеру каменного инвентаря (особенно вкладышу-бифасу и костяной обойме с пазом для вкладышей) погребение в могильной яме № 2 соотносится с поздненеолитическими комплексами исаковской и серовской традиций погребений Прибайкалья, которые сейчас датируются по ^{14}C периодом 5200–4500 л. н. (некалиброванные даты) [Базалийский, 2012: 97; табл. 5], и энеолитическими материалами поселения Усть-Нарым, стоянок Шидерты 3 и Нурбай 2 Казахстанского Прииртышья, отождествляемых Виктором Карловичем Мерцем с неолитическими прибайкальскими материалами [Мерц, 1994; 2002; 2004; Захаров, Мерц, Бычков, 2020: 999].

Архаичность обоих погребений, их расположение рядом и на периферии кургана № 3 позволяют предположить их принадлежность к общему более раннему грунтовому могильнику и случайное их перекрытие курганной насыпью в раннем железном веке.

Все рассмотренные здесь аналогии происходят с территории Обь-Иртышского бассейна и связаны с местными культурами финала каменного века, либо, как самусьская культура, уходящими своими корнями в местную неолитическую среду. Каменный жезл с Майского V, танайский костяной жезл и каменная скульптура с поселения Самусь IV — своеобразны и уникальны. Тем не менее, на наш взгляд, они имеют ряд общих черт и признаков, которые позволяют считать эти антропоморфные изображения принципиально схожими и созданными в рамках некоей общей культурно-художественной традиции в разных вариантах и на разных этапах ее воплощения.

Однако более уверенно об этом можно будет судить при условии расширения источниковой базы, что требует открытия и введения в научный оборот новых источников. Данная публикация направлена именно на это.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита — неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Бобров В. В. Исследования поселения Танай-4А и некоторые проблемы западно-сибирской археологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященные 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Новосибирск, 1997. Т. 3. С. 138–143.

Большая российская энциклопедия. М., 2015. Т. 30. 767 с.

Большая советская энциклопедия. М. : Советская Энциклопедия, 1972. Т. 9. 624 с.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка М. : РИПОЛ классик, 2006. Т. 4. 667 с.

Захаров С. В., Мерц В. К., Бычков В. С. Охранные раскопки курганной группы Майское V (предварительные результаты) // Мир Большого Алтая. Т. 6, № 3. 2020. С. 982–1000.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Ковтун И. В. Иконография танайских «стержней-жезлов» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2002. С. 67–73.

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья: (Неолит и бронзовый век): Ч. 2. Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1973. Вып. 10. 226 с.

Матющенко В. И. Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973а. С. 191–198.

Мерц В. К. О происхождении комплексов прибайкальского типа в неолите Казахстана // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 1994. С. 39–42.

Мерц В. К. Погребение Каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : ЭКО, 2002. С. 75–100.

Мерц В. К. Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе северо-восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана — Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения». Алматы, 2004. С. 165–169.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : А ТЕМП, 2006. 938 с.

Студзицкая С. В. Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Западносибирского региона (эпоха бронзы) // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск : Наука, 1987. С. 73–88.

Ченченкова О. П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. Екатеринбург : Тезис, 2004. 336 с.

REFERENCES

Bazal'skii V. I. Pogrebal'nye komplekсы epokhi pozdnego mezolita — neolita Baikal'skoi Sibiri: traditsii pogrebenii, absolutnyi vozrast [Funerary complexes of the Late Mesolithic — Neolithic era of Baikal Siberia: burial traditions, absolute age] *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk, 2012, is. 9, pp. 43–101 (in Russian).

Bobrov V. V. Issledovaniia poseleniia Tanai-4A i nekotorye problemy zapadno-sibirskoi arkheologii [Studies of the settlement of Tanai-4A and some problems of West Siberian archeology]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. Materialy V Godovoi itogovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, posviashchennye 40-letiiu Sibirskogo otdeleniia RAN i 30-letiiu Instituta istorii, filologii i filosofii SO RAN. Dekabr'*

1997 g [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Materials of the Annual final session of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, dedicated to the 40th anniversary of the Siberian Branch of the RAS and the 30th anniversary of the Institute of History, Philology and Philosophy SB RAS. December 1997] Novosibirsk, 1997, vol. 3, pp. 138–143 (in Russian).

Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia [The Great Russian Encyclopedia]. Moskva, 2015, vol. 30, 767 p. (in Russian).

Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia [The Great Soviet Encyclopedia]. M.: Sovetskaia Entsiklopediia, 1972, vol. 9, 624 p. (in Russian).

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] M.: RIPOL klassik, 2006, vol. 4, 667 p. (in Russian).

Zakharov S. V., Merts V. K., Bychkov V. S. Okhrannye raskopki kurgannoi gruppy Maiskoe V (predvaritel'nye rezul'taty) [Protective excavations of the Mayskoe v kurgan group (preliminary results)]. *Mir Bol'shogo Altaia* [The World of the Greater Altai]. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 982–1000 (in Russian).

Kiriushin Iu. F. *Eneolit i ranniaia bronza iuga Zapadnoi Sibiri* [Eneolite and early bronze of the South of Western Siberia]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 2002. 294 p. (in Russian).

Kovtun I. V. Ikonografiia tanaiskikh “sterzhnei-zhezlov” [Iconography of Tanai “rods-rods”]. *Severnaia Evraziia v epokhu bronzy: prostranstvo, vremia, kul'tura* [Northern Eurasia in the Bronze Age: space, time, culture]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2002, pp. 67–73 (in Russian).

Matiushchenko V. I. *Drevniaia istoriia naseleniia lesnogo i lesostepnogo Priob'ia: (Neolit i bronzovyi vek): Ch. 2. Samus'skaia kul'tura* [Ancient history of the population of the forest and forest-steppe Ob region: (Neolithic and Bronze Age): Part 2. Samus culture]. *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1973. Is. 10, 226 p. (in Russian).

Matiushchenko V. I. Nekotorye novye materialy po samus'skoi kul'ture [Some new materials on the Samus culture]. *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* [Problems of archeology of the Urals and Siberia]. M., 1973a, pp. 191–198 (in Russian).

Merts V. K. O proiskhozhdenii kompleksov pribaikal'skogo tipa v neolite Kazakhstana [On the origin of complexes of the Baikal type in Neolithic Kazakhstan]. *Paleodemografiia i migratsionnye protsessy v Zapadnoi Sibiri v drevnosti i srednevekov'e* [Paleodemography and migration processes in Western Siberia in antiquity and the Middle Ages]. Barnaul: AGU, 1994, pp. 39–42 (in Russian).

Merts V. K. Pogrebenie Kamennogo veka i eneoliticheskii kompleks stoianki Shiderty [The burial of the Stone Age and the Eneolithic complex of the Shiderty site]. *Izuchenie pamiatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ia* [The study of archaeological monuments of the Pavlodar Irtysh region]. Pavlodar: EKO, 2002, pp. 75–100 (in Russian).

Merts V. K. Novye materialy po eneolitu i rannei bronze severo-vostochnogo Kazakhstana [New materials on the Eneolithic and Early Bronze of North-Eastern Kazakhstan]. *Novye issledovaniia po arkheologii Kazakhstana — Trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii “Margulanovskie chteniia”* [New research on the archeology of Kazakhstan — Proceedings

of the scientific and practical conference “Margulanov readings”]. Almaty, 2004, pp. 165–169 (in Russian).

Ozhegov S., Shvedova N. Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. M.: OOO “A TEMP”, 2006, 938 p. (in Russian).

Studzitskaia C. B. *Izobrazhenie cheloveka v iskusstve drevnego naseleniia Uralo-Zapadnosibirskogo regiona (epokha bronzy)* [The image of man in the art of the ancient population of the Ural-West Siberian region (Bronze Age)]. *Antropomorfnye izobrazheniia. Pervobytnoe iskusstvo* [Anthropomorphic images. Primitive art]. Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 73–88 (in Russian).

Chenchenkova O. P. *Kamennaia skul'ptura lesostepnoi Azii epokhi paleometalla III–I tys. do n. e* [Stone sculpture of forest-steppe Asia of the paleometallic epoch III–I thousand BC]. Ekaterinburg: Tezis, 2004, 336 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 05.05.2023

Принята к публикации: 25.10.2023

Дата публикации: 12.12.2023